

Ты поднимаешь ногу и с силой опускаешь на чьё-то лицо — оно сминается внутрь себя, странно хрупкое. Вокруг — спереди, сзади, с боков — мертвецы. Тишина, гравитация пригибает к земле, небо черно, как ночь, и облака из насекомых.

Вокруг — поле битвы.

Когда-то здесь был город, сейчас всё стало другим. Здания под весом ушли вниз, земля вместо асфальта. Туман. Холмы из шевелящейся трупной массы. Мест нет, тела распиханы, как в банке, и в поисках выхода бредут кто куда. Пространство искривлено: куда бы не пошёл, назад вернёшься. Например, ту костлявую кисть, торчащую из земли, уже встречал. Это твой ориентир в этом месте.

Холодно.

Замерзаешь рядом с скелетом. Он так расслабился, что плоть стекла с костей; ты же едва стоишь, опасаясь, что малейшее движение опрокинет тебя. Но не падаешь.

Повинуясь непонятному импульсу, хватаешься за кисть, медленно скелет из земли вытягиваешь. Аккуратно. Почва здесь цепкая, приходится, чтобы не схватила, следить. Ты достаёшь немощный, бессильно обвисший скелет, зачем? Он жив лишь за счёт странных местных законов. Поднимаешь голову. Смотришь в небо, на хитиновую массу, нависающую почти над тобой. Насекомые резко увеличили активность; бешено роятся вверх, некоторые даже ныряют в туман, чтобы истлеть заживо.

Ты улыбаешься иссохшими губами.

Энергично ковыляешь вперёд, скелет за тобой колею оставляет. Тащишь его без всякого снисхождения, трещины множатся, кости хрустят. Каждый сам за себя. К стопам липнет земля. Бредёшь, продираясь сквозь трупы, стоящие сплошной стеной.

Их много.

Они вырываются из земли, скелеты в ошмётках плоти, большие и маленькие, туман это прах, он конденсируется в спрутоподобные фигуры.

На колени.

Падаешь, тяжесть возросла. Кости скрипят, трещины пробивают доспех изнутри, скелет падает наземь и утопает. Трупы вяло валятся вокруг. Пора бы собраться и показать свою мощь, но нет: ноги не держат, руки опущены, волшебные слова рвутся наружу, произнеси, будет сила, будет власть, не выходит. В гневе ты выплёвываешь свой язык.

Ты умираешь.

Нечем дышать.

Лежишь на бетонном полу, голышом, свернувшись в клубок, осыпанный пылью. Холодно. Твёрдо. Сердце почти не бьётся, кожа в пузырях, царапинах и разрезах, мясо выдрано кусками в некоторых местах, кровь не течёт. Плоть воспалена в районе ран, но в остальном синюшная. Находишься, судя по всему, в канализации, в большой, повезло, что сухой, трубе, темнота. Запаха не чувствуешь.

Руку в пол. Затем фиксируешься, не за счёт мышц, а как насекомое, ладонь прилипает к бетону, колени, вторая рука. Кожа горит, воздух ранит её, кровь из лёгких хочется выхаркать, нельзя, волосы от движения падают с головы, мелочи; ты утверждаешься на дрожащих конечностях. Упёршись головой в пол. Стоишь секунду или две. Затем противоестественно сжимаешься.

Голова сливается с торсом, глаза разделяются, на коже проступают пятна хитина, конечности становятся тоньше, это начало. Становишься чем-то вроде паука. Размер — с блюдце примерно. Панцирь в трещинах, держится, такое ощущение, на соплях. Плетёшь костюм — по сути набор лент, вроде бинтов, на большее нет времени. Главное основные дыры замотать.

Став человеком, перекатываешься на спину, обматываешься бинтами. Начинаешь с руки, так легче, не нужно сгибаться; ткань скользит по коже, обжигая, заставляя твоё тело вспоминать. Медленное, успокаивающее гниение сменяется жаром пламени. Широко, до боли открываешь рот, скалишь чёрные зубы, судорожно скручиваешь мышцы. Заматываешь руку. Переходишь на торс. Ноги. Вторую руку. Последним заматываешь голову, туго, не оставляя открытых мест. Глаза затыкаешь с особой тщательностью

Встаёшь. Присасываешься ногами к полу, рукой к стенке трубы, одну ногу отлепляешь, поднимаешь, опускаешь, прилепляешь снова, ты тяжёлый, неповоротливый, но в голове легко, сейчас улетит, оторвётся. Наплевать. Не должен думать. Лишь идти, надеясь, что не подведёт тело; ещё пару шагов, давай.

Раз, два.

Нож грудь пробивает. Ну, должен пробить. Ты, конечно, отбиваешь его. Что за жизнь, даже полежать не дают.

Ты сидел, прислонившись к трубе, секунду назад, стоишь теперь, сгорбленный, как обезьяна. Впереди, метрах в пяти, молодой человек в рясе. В руке чёрный клинок зажат, а между пальцами другой — рукояти без лезвий. Парень напряжён, в какой-то стойке, смотрит сурово, зрачки с синими искрами внутри оценивают тебя

Как врага.

Ты же замер от удивления. Обижен атакой, не преступал закон, презумпция невиновности — хочешь сказать, но нет языка. Миг проходит

Бросаешь себя вперёд, как снаряд, а потом падаешь, как собака. Как будто ошейник за шею тянет назад. Со всей дури бьёшься головой об пол, руки перед лицом, что-то лопается внутри, думал, уже нечему. Замечаешь клинок, торчащий рядом из пола. Вспоминаешь, что это особое оружие церкви — оно может, проникнув внутрь тени, сковать цель. Вот только вы под землёй.

Нелепо брыкаешься, пытаешься побороть свою тень, пока человек забрасывает тебя. Он медленно, по шажочку, смещается, меняет позицию, чтобы накрыть больший масштаб. Колья вонзаются в тело, парень чётко бьёт по суставам и слабым местам. Твоя тень — подушечка для иголок.

Твои глаза смотрят на тень. Ты хочешь по воткнутым в пол ножам восстановить её форму.

Но её ведь нет? Тени. Под землёй.

Или, может, в этом всё дело? Здесь тени нет. Но её вообще нет, нигде; иначе говоря, не важно, где ты находишься, на вершине горы или в глубокой бездне, тень с равным успехом не будет существовать. Это ошибка восприятия. Но есть формула, с помощью которой можно, узнав положение Солнца в небе и местонахождение цели на земле, решив уравнение, получить набор мнимых чисел. Этот набор и будет «тенью». Координаты нужны для некоторых специфических ритуалов, ну и чтобы кидать ножи. Жаль, что не помнишь, как правильно сделать.

Тень дёргается, неловко скользит по земле, как больная змея, она с натугой поднимается и всё с себя стряхивает; ты встаёшь, и колья из ран. Парень смеётся на это. Он весело заявляет что-то — не понять что, молодой, смелый. Ты тоже таким был.

Кое-как на ногах утверждаешься. Стоите друг напротив друга — парень, который что-то говорит, но в звуках нет ни капли смысла, и ты, с тенью за спиной. Он достаёт из рясы сразу охапку ножей, они в копьё сливаются. Имитация, подделка под легендарное оружие, пронзившее бога. Парень становится в стойку, неторопливо, но не медленно. Вы стоите. Потом, с удивительной синхронностью, будто сговорившись, начинаете действовать: ты, кутаясь в тень, на шаг отступаешь, а парень бросает копьё.

Нацелено в сердце.

Тень накрывает плащом, её лезвия насквозь пробивают тебя, ввинчиваются внутрь, фиксируют. Поднимаешь руки, как марионетка, с нитями, и ловишь копьё. Импульс силен. Не отступаешь.

Ты победил. Парень, видя это, разворачивается и наутёк, не рассусоливая. Звуки шагов заполняют трубу, такие громкие, что даже в своём состоянии слышишь их.

Поздно. Бросаешь копьё, бросаешься вперёд. Парень, уловив чутьём момент броска, пытается сместиться в сторону, не успевает — прыгаешь на него сверху и протыкаешь насквозь. Он брыкается, даже сбрасывает тебя, но уже проиграл, рана серьёзна. Ты набрасываешься на него снова. Потом снова. И ещё. Наконец он сдаётся.

Тело как будто в огне, но боль ничто в сравнении с голодом.

Медленно, никем не замеченный, идёшь сквозь толпу. Ты в рясе с заплатами на груди и спине, на лице лёгкая улыбка. Да, нет памяти. И что? Прошное обременительно — связи с людьми, старые обиды, ментальные искажения, без этого можно жить. Забыв, кем был, создать себя нового.

<http://tl.rulate.ru/book/72793/2002725>